

ЗВЕЗДНЫЙ

— Боюсь, Ватсон, мне придется уехать, — объявил однажды Холмс, когда мы уселись завтракать.

— Уехать? Куда же?

— В Дартмур, Кингз-Пайленд.

Я ничуть не удивился. Гораздо более удивляло меня то, что Холмс до сих пор не включился в расследование сенсационного дела, о котором в стране толковали на каждом углу. Весь день мой сосед, нахмутив брови, с поникшей головой мерил шагами комнату и поминутно набивал трубку крепчайшим черным табаком; моих вопросов и замечаний он словно и не слышал. Пачки свежих газет, присылаемых нам из новостного агентства, он лишь мельком просматривал и швырял в угол. Однако, несмотря на его молчание, мне отлично было известно, чем заняты его мысли. Только одна загадка, волновавшая общество, могла привлечь его аналитический ум: невероятное исчезновение беговой лошади — фаворита предстоящих скачек на кубок Уэссекса и зверское убийство его тренера. Поэтому, когда Холмс внезапно заявил о своем намерении отправиться туда, где разыгралась эта драма, это лишь подтвердило мои надежды и ожидания.

— Если не помешаю, то охотно отправлюсь вместе с вами, — сказал я.

— Дорогой Ватсон, вы окажете мне этим огромную услугу. Полагаю, время попусту не потратите: судя по некоторым данным, дело обещает оказаться единственным в своем роде. Мы, кажется, успеваем сесть на поезд в Паддингтоне, а по дороге я поделюсь с вами подробностями. Вы очень меня обяжете, если захватите с собой ваш превосходный полевой бинокль.

И вот часом-другим позже я очутился в углу вагона первого класса на пути в Эксетер. Сидя напротив меня, Шерлок Холмс, в охотничьей шапке с наушниками, с напряженным вниманием перелистывал кипу газет, купленных им на вокзале. Мы уже давно миновали Рединг, когда он кинул под сиденье последнюю газету и протянул мне портсигар.

— Скорость у нас приличная, — заметил он, взглянув в окно, а потом на часы. — Делаем сейчас пятьдесят три с половиной мили в час.

— Мне что-то не попало на глаза ни одного дорожного столбика.

— Мне тоже. Но расстояние между телеграфными столбами на этой линии составляет шестьдесят ярдов, так что высчитать скорость проще некуда. Вы, наверное, уже наслышаны об убийстве Джона Стрейкера и о пропаже рысака Звездного?

— Сужу по отчетам, опубликованным в «Телеграф» и в «Кроникл».

— Перед нами один из тех случаев, когда умение логически мыслить следует применять скорее к отбору фактов, нежели к поискам новых свидетельств. Случай этот настолько необычный и тра-

гический, так близко затрагивает судьбы многих людей, что мы страдаем от переизбытка догадок, предположений и гипотез. Трудность заключается в том, чтобы отделить достоверную и неоспоримую основу от наслоений, измышленных репортерами и любителями строить теории. Затем наш долг — опираясь на надежный фундамент, нащупать выводы, которые можно извлечь из сопоставления фактов, и установить ключевые обстоятельства этого дела. Во вторник вечером я получил телеграммы и от полковника Росса — владельца лошади, и от инспектора Грегори, расследующего это дело, с просьбой о содействии.

— Во вторник вечером? — воскликнул я. — А сейчас утро четверга. Почему же вы не отправились туда вчера?

— Дорогой Ватсон, это мой промах. Боюсь, что допускаю ошибки куда чаще, чем можно предположить, исходя единственно из ваших обо мне записок. Я и мысли не допускал, что самого знаменитого в Англии рысака сумеют прятать так долго — тем более в столь малонаселенном краю, как север Дартмура. Вчера я с часу на час ожидал известия о том, что лошадь найдена, а похитителем оказался убийца Джона Стрейкера. Когда же наутро выяснилось, что не произошло ничего, кроме ареста молодого Фицроя Симпсона, я почувствовал: пора действовать. Но, думается мне, вчерашний день не пропал даром.

— У вас сложилась какая-то версия?

— Мне, по крайней мере, удалось напасть в этом деле на самое главное. Перечислю вам наиболее существенные факты: лучший способ докопаться

до сути — изложить всю историю собеседнику. И вряд ли стоит рассчитывать на вашу поддержку, если я не обрисую вам нашу стартовую диспозицию.

Я откинулся на подушки, дымя сигарой, а Холмс, подавшись вперед и тыкая длинным указательным пальцем в ладонь левой руки, чтобы подчеркнуть главные детали, принялся повествовать о событиях, побудивших нас к путешествию.

— Рысак по кличке Звездный, — начал он, — потомок прославленного Айсономи, унаследовавший все его блестящие качества. Сейчас ему идет пятый год, и на скаковой дорожке он завоевал для своего счастливого владельца — полковника Росса — все возможные призы. До момента катастрофы он считался главным фаворитом скачек на кубок Уэссекса; ставки на него заключались три против одного. Впрочем, Звездный неизменно ходил в фаворитах и никогда не разочаровывал публику, поэтому даже при кажущемся перевесе соперников на него ставили громадные суммы. Ясно, что слишком многие были крайне заинтересованы в том, чтобы в ближайший вторник Звездный не стоял на старте, когда судья взмахнет флагом.

Разумеется, это прекрасно сознавали и в Кингз-Пайленде, где находится тренировочная конюшня полковника Росса. Для охраны фаворита были приняты все меры предосторожности. Тренер Джон Стрейкер прежде служил жокеем у полковника, пока не набрал веса сверх нормы. Жокеем он пробыл пять лет и семь — тренером, всегда исполняя свои обязанности ревностно и добросовестно. Под его началом было трое молодых помощников: в конюшне содержалось всего четыре лошади. Ночью один

паренек дежурил в конюшне, остальные спали на сеновале. Все трое зарекомендовали себя с самой лучшей стороны. Джон Стрейкер жил с женой в небольшом домике в двухстах ярдах от конюшни. Супруги бездетны, обеспечены неплохо, держат служанку. Окружающая местность довольно пустынная, но около мили к северу некий подрядчик из Тэвистока выстроил несколько коттеджей для всех, кто желает поправить здоровье или просто насладиться чистым дартмурским воздухом. Сам Тэвисток расположен в двух милях к западу, по другую сторону вересковой пустоши находится Кейплтон — более обширная конюшня, принадлежащая лорду Бэкуотеру; управляет ею Сайлас Браун. Вокруг простирается совершенно безлюдная пустошь, куда порой забредают только цыгане. Таковы декорации той драмы, которая разыгралась на их фоне в минувший понедельник.

Накануне вечером лошадей, как обычно, тренировали, затем напоили, и в девять часов конюшню заперли на замок. Двое пареньков пошли в домик тренера, где на кухне их накормили, а третий конюх — Нэд Хантер — остался сторожить. В начале десятого служанка (по имени Эдит Бакстер) принесла ему ужин — баранину с острым соусом карри. Питья не взяла, так как в конюшне есть водопроводный кран, а ничего, кроме воды, на дежурстве пить не полагалось. Девушка несла с собой фонарь: уже стемнело, а дорожка к конюшне вела через пустошь.

Ярдах в тридцати от конюшни из темноты вынырнул человек и окликнул Эдит Бакстер. В круге желтого света от фонаря она увидела мужчину в гетрах — с виду джентльмена, одетого в серый твидовый костюм. На голове у него была матерчатая

кепка, в руках он держал тяжелую трость с набалдашником. Девушку, однако, поразило его белое как мел, взволнованное лицо. Лет, по ее прикидкам, ему было, скорее всего, за тридцать.

«Не скажете ли, где я нахожусь? — спросил мужчина. — Я уже собрался заночевать под открытым небом, но тут увидел свет вашего фонаря».

«Вы в Кингз-Пайленде, поблизости от конюшни полковника Росса», — ответила девушка.

«Неужели? Вот так удача! — воскликнул незнакомец. — Один из младших конюхов, кажется, дежурит там каждую ночь. Вы, наверное, несете ему ужин? Думаю, вы не такая гордячка, чтобы отказаться от денежки на новое платье, не правда ли? — С этими словами он вынул из кармана жилета сложенный лист белой бумаги. — Передайте это сейчас конюху, и самое нарядное платье будет вашим».

Перепуганная такой настойчивостью, девушка ринулась мимо незнакомца к окошку конюшни, через которое обычно передавала еду. Окошко было уже распахнуто, Хантер сидел возле него за столиком. Не успела Эдит рассказать о происшествии, как незнакомец вновь оказался рядом с ней.

«Добрый вечер! — заглянув в окошко, произнес он. — Мне нужно с вами поговорить».

Девушка уверяет, будто заметила в его стиснутой руке бумажный пакетик.

«Что вам тут за дело?» — буркнул юноша.

«Дело, которое может заметно пополнить ваш карман. Два ваших жеребца — Звездный и Баярд — участвуют в скачках на кубок Уэссекса. Выложите мне все начистоту — и внакладе не останетесь. Правда ли, что в забеге с весовым гандикапом Ба-

ярд после пяти фарлонгов будет опережать Звездного на сотню ярдов и что ваше заведение делает ставку именно на него?»

«А, так вы явились сюда поразнюхивать! — закричал Хантер. — Ну, так я вам покажу, как мы в Кингз-Пайленде обходимся с такими молодчиками».

Конюх вскочил и бросился в угол конюшни — спустить с цепи собаку. Девушка побежала обратно к дому, но, оглянувшись, увидела, что незнакомец просунул голову в окошко. Впрочем, когда минуту спустя Хантер выскочил из конюшни с собакой, неизвестного и след простыл: обежав все постройки, Хантер нигде его не обнаружил.

— Пойдите! — перебил я. — Когда конюх выбежал из конюшни с собакой, он оставил дверь незапертой?

— Превосходно, Ватсон, превосходно! — с улыбкой отозвался мой спутник. — Это обстоятельство показалось мне настолько важным, что для выяснения его я послал вчера в Дартмур срочную телеграмму. Запереть дверь Хантер не забыл. Могу добавить, что в окошко взрослому человеку не влезть.

Хантер дождался возвращения сотоварищей и послал одного из них к тренеру сообщить о происшествии. Стрейкер обеспокоился, хотя, по-видимому, недооценил его истинное значение. Смутная тревога, впрочем, его не оставляла: миссис Стрейкер, проснувшись в час ночи, увидела, как муж одевается. В ответ на ее расспросы он пояснил, что не может заснуть, поскольку волнуется за лошадей, и намерен сам убедиться, все ли в конюшне благополучно. Миссис Стрейкер умоляла его не выхо-

дить из дома: шел сильный дождь, но супруг, не слушая ее уговоров, накинул непромокаемый плащ и ушел.

Миссис Стрейкер проснулась в семь утра. Муж еще не вернулся. Она поспешно оделась, позвала служанку — и вместе они направились к конюшне. Дверь была отворена; Хантер сидел на стуле скрючившись, без признаков сознания; стойло фаворита пустовало, главный тренер отсутствовал.

Немедля разбудили двух других конюхов, спавших наверху, где нарезали солому. Растролкать их всегда непросто, так что ночью они, конечно, ничего не слышали. Хантер явно находился под действием какого-то сильного зелья, и добиться от него вразумительных слов было нельзя. Женщины и конюхи оставили его отсыпаться и побежали на поиски пропавших. Они все еще надеялись, что Стрейкер по неведомой причине ни свет ни заря вывел Звездного на тренировку. Взобравшись на холмик, откуда открывался широкий вид на пустошь, фаворита они нигде не увидели, зато обнаружили нечто, от чего сердца у них забились в тревоге.

Приблизительно в четверти мили от конюшни на куст дрока был наброшен плащ Джона Стрейкера. Сразу за кустом находилась пологая ложбинка, на дне которой нашли тело несчастного тренера. Его голову размозжил страшный удар какого-то тяжелого орудия; бедро было рассечено длинным ровным разрезом, нанесенным, очевидно, чрезвычайно острым инструментом. Стрейкер, вне сомнения, яростно сопротивлялся нападшим: в правой руке он сжимал ножичек, покрытый до самой рукоятки запекшейся кровью, а в левой держал красно-чер-

ный шелковый шарф, который, по словам служанки, она видела на шее незнакомца, навестившего конюшню накануне вечером.

Хантер, придя в себя, подтвердил ее показания. Кроме того, он не сомневался, что пришелец, стоя у окошка, подсыпал в тарелку с бараниной снотворное и конюшня оказалась без сторожа.

Что касается пропавшего жеребца, то многочисленные следы копыт на заболоченной почве роковой ложбинки неоспоримо свидетельствуют: Звездный был там во время схватки. С того утра, однако, его никто не видел. За известия о нем предложено огромное вознаграждение; всем дартмурским цыганам было поручено смотреть в оба, однако до сих пор о фаворите ни слуху ни духу. И наконец, анализ остатков злополучного ужина показал, что в него подсыпали солидную дозу опиума, тогда как обитатели домика ели в тот вечер то же блюдо без малейших неприятных последствий.

Вот основные факты по этому делу. Я изложил их, стараясь избегать любых домыслов. Перечислю меры, предпринятые полицией.

Инспектор Грегори, которому поручено расследование, человек в высшей степени толковый. Будь он наделен воображением, то достиг бы в своей профессии настоящих высот. По прибытии на место он незамедлительно нашел и арестовал субъекта, на которого естественным образом пали подозрения. Отыскать его было нетрудно, поскольку в здешних краях он хорошо известен. Имя его, как сообщают, Фицрой Симпсон. Происходит из благородного рода, получил прекрасное образование, но растратил все состояние на скачках, а теперь перебивает-

ся потихоньку букмекерством в спортивных клубах Лондона. В его записной книжке обнаружили несколько записей о пари до пяти тысяч фунтов против фаворита.

После ареста он открыто признался, что ездил в Дартмур в надежде раздобыть сведения о лошадях Кингз-Пайленда, а также о Дезборо — втором фаворите нынешних скачек, которого опекает Сайлас Браун в конюшне Кейплтона. Симпсон ни словом не оспаривал свидетелей своего вчерашнего поведения, однако утверждает, что не замышлял никакого злодейства, а всего лишь хотел получить данные из первых рук. При виде шарфа он сильно побледнел и не сумел объяснить, каким образом тот оказался в руке убитого. Влажная одежда Симпсона свидетельствовала о том, что ночью он попал под дождь, а его пенангская трость, налитая свинцом, вполне могла послужить тем самым оружием, которым тренеру были нанесены смертельные удары.

С другой стороны, на нем нет ни единой царапины, тогда как кровь на ножичке Стрейкера указывает на то, что в схватке был ранен хотя бы один из нападавших. Вот вкратце все, что мне известно, и я бесконечно буду вам признателен, Ватсон, если вы сможете пролить свет на это дело.

Я с величайшим интересом выслушал рассказ Холмса, изложенный с присущей моему другу предельной ясностью. Хотя со многими из фактов я был уже знаком, оценить их соотношение и взаимосвязь было непросто.

— А не могло случиться так, — предположил я, — что Стрейкер сам себя порезал ножом при

конвульсиях, вызванных повреждением головного мозга?

— Это более чем возможно; это вероятно. В этом случае обвиняемый лишается одной из главных улик, которая пошла бы ему на пользу.

— И все же, — продолжал я, — даже и теперь я не в силах уразуметь, на какой версии полиция могла бы остановиться.

— Боюсь, что против любой теории найдутся самые серьезные возражения. Насколько я понимаю, в полиции считают, что Фицрой Симпсон, одурманив паренька, отпер конюшню дубликатом ключа, который он каким-то образом раздобыл, и увел жеребца предположительно с очевидным намерением его похитить. Уздечки в конюшне нет: значит, Симпсон ею воспользовался. Далее, оставив дверь распахнутой, он повел лошадь через пустошь, где его встретил или настиг тренер. Разумеется, завязалась драка. Симпсон проломил голову Стрейкера массивной тростью, сам не получив ни царапины от ножичка, которым оборонялся Стрейкер. Затем похититель либо увел лошадь в некое укрытие, либо она вырвалась и ускакала во время схватки — и сейчас бродит по пустошам. Так видится полиции. Версия маловероятная, но все прочие вероятны еще меньше. Впрочем, на месте я сумею довольно быстро ее проверить, а до того не вижу способа хотя бы немного продвинуться в нашем расследовании.

К вечеру мы добрались до Тэвистока — это небольшой городок, расположенный, подобно умбону на щите, посередине просторного Дартмурского плоскогорья. На станции нас ожидали двое: рослый

бородатый блондин с львиной гривой и пронизательным взглядом светло-голубых глаз; рядом — коренастый подвижный джентльмен в щегольском сюртуке и в крагах, с холеными бакенбардами и моноклем. Это были инспектор Грегори, приобретавший все более весомую репутацию в английской сыскальной службе, и полковник Росс, известный поклонник спорта.

— Рад видеть вас, мистер Холмс, — сказал полковник. — Инспектор сделал все, что от него зависело, но я готов пустить в ход любые средства, лишь бы сквитаться за гибель бедняги Стрейкера и вернуть моего коня.

— Есть что-то новенькое? — осведомился Холмс.

— К сожалению, до сих пор толчем воду в ступе, — ответил инспектор. — У нас открытая коляска, а вы наверняка не прочь осмотреть место происшествия, пока не стемнело. Давайте поедем и в пути поговорим.

Через минуту удобное ландо, стуча колесами, катило нас по причудливым улицам старинного девонширского городка. Инспектор Грегори, с головой ушедший в порученное ему дело, без умолку делился с Холмсом своими соображениями, а мой друг лишь изредка хмыкал или задавал вопрос. Полковник, сложив руки на груди и надвинув шляпу поглубже, хранил молчание, тогда как я с интересом вслушивался в беседу двух детективов. Грегори излагал версию, почти в точности совпадающую с той, какую Холмс поведал мне в поезде.

— Наша сеть стягивается вокруг Фицроя Симпсона. По моему мнению, преступник именно он. Впрочем, отдаю себе отчет в том, что все улики про-

тив него — косвенные и могут быть опровергнуты; если вскроются новые обстоятельства, обвинение окажется ложным.

— А как насчет ножа Стрейкера?

— Мы пришли к твердому выводу, что при падении он поранил себя сам.

— Мой друг доктор Ватсон по дороге сюда выдвинул такое же предположение. Если так, то это не в пользу Симпсона.

— Несомненно. Ножа у него нет, ран на теле никаких. Улики против него действительно самые что ни на есть серьезные. Он был крайне заинтересован в устранении фаворита. Он подозревается в отравлении юноши-конюха; он явно промок под дождем; был вооружен тяжелой тростью; наконец, именно его шарф убитый сжимал в руке. Для суда присяжных, полагаю, этого вполне достаточно.

Холмс покачал головой:

— Умный адвокат превратит все эти доводы в труху. Зачем Симпсону понадобилось выводить лошадь из конюшни? Если он собирался ее искалечить, то мог бы сделать это и там. Дубликата ключа у него не нашли, ведь так? Что за аптекарь продал ему порошок опиума? И самое главное: где, в каком закоулке приезжий из Лондона, незнакомый с местностью, сумел спрятать жеребца, да еще столь знаменитого? Интересно, что он говорит о листке, который намеревался передать конюху через служанку?

— Говорит, что это была десятифунтовая банкнота. Такая же лежала у него в кошельке. На прочие ваши вопросы ответить легче, чем кажется. Симпсон в этих краях вовсе не чужак. Летом он дважды

живал в Тэвистоке. Опиум, по-видимому, привез из Лондона. Ключ за ненадобностью мог и выкинуть. Лошадь, должно быть, лежит на дне какой-нибудь ямы или заброшенного рудника.

— А что он говорит про шарф?

— Признает в нем свою собственность, но утверждает, что где-то его потерял. Между тем вскрылось одно обстоятельство, способное объяснить, зачем Симпсон увел Звездного из конюшни.

Холмс наострил уши.

— Установлено, что в ночь с понедельника на вторник на расстоянии мили от места убийства расположился цыганский табор. Во вторник утром они куда-то перекочевали. Если предположить, что Симпсон заранее вступил с ними в сговор, то лошадь, когда его перехватили, он отвел именно к ним, и она до сих пор в таборе.

— Вполне допустимо.

— В поисках табора пустошь тщательно прочесали. Я самолично проверил также все конюшни и надворные постройки не только в Тэвистоке, но и в радиусе десяти миль.

— Насколько мне известно, поблизости находится еще одна конюшня, в которой тренируют скаковых лошадей?

— Да, и этот фактор мы непременно должны учитывать. Их жеребец Дезборо котировался вторым претендентом на приз, а потому исчезновение фаворита их очень устраивало. Известно, что тренер Сайлас Браун сделал на этот забег крупные ставки и с беднягой Стрейкером скорее враждовал. Мы, разумеется, обследовали эту конюшню, но ничего подозрительного не обнаружили.

— А нет ли указаний на то, что Симпсон был заинтересован в успехе питомцев Кейплтона?

— Ровным счетом никаких.

Холмс откинулся на спинку сиденья, и разговор прекратился. Через несколько минут наш экипаж подъехал к стоящему у дороги приятному на вид кирпичному домику с выступающим свесом крыши. Невдалеке, по другую сторону загона, виднелось длинное строение, крытое серой черепицей. Вокруг, до самого горизонта, простиралась всхолмленная пустошь, бронзовая от увядающих папоротников; однообразие пейзажа нарушали только островерхие крыши Тэвистока и теснившиеся к западу постройки кейплтонской конюшни. Мы спустились с коляски, за исключением Холмса, который сидел в прежней позе, устремив неподвижный взгляд перед собой и целиком погрузившись в размышления. Только когда я тронул его за локоть, он вздрогнул и соскочил на землю.

— Простите, — обратился он к полковнику Россу, недоуменно на него смотревшему, — я что-то замечтался.

По загоревшимся глазам Холмса и взволнованности, которую он старался замаскировать, я, хорошо изучивший его повадки, уверенно заключил, что он нашел ключ к разгадке, хотя и представления не имел, где он смог его раздобыть.

— Мистер Холмс, быть может, вы предпочтете, не откладывая, отправиться на место преступления? — спросил Грегори.

— Мне бы хотелось немного побыть здесь и прояснить два-три вопроса. Тело Стрейкера принесли сюда, не так ли?

— Да, оно лежит наверху. Коронер приступит к дознанию завтра.

— Стрейкер прослужил у вас не один год — верно, полковник?

— Это так, и он всегда был на высоте долга.

— Полагаю, что вы, инспектор, составили опись предметов, находившихся в карманах убитого на момент его смерти?

— Все эти вещи сейчас в гостиной, можете их осмотреть.

— Охотно.

Войдя в гостиную, мы уселись вокруг стола, стоявшего посередине. Инспектор открыл квадратный жестяной ящичек и выложил перед нами его небогатое содержимое: коробок восковых спичек, огарок свечи в два дюйма, трубку «А. Д. Р.» из верескового корня, кисет из тюленьей кожи с половиной унции кэвендишского длинно нарезанного плиточного табака, серебряные часы с золотой цепочкой, пять золотых соверенов, алюминиевый пенал, несколько бумаг и ножик с ручкой из слоновой кости с очень тонким негнущимся лезвием, на котором стояла марка «Вайс и К°, Лондон».

— Ножичек прелюбопытный, — сказал Холмс, взяв его в руки и пристально изучая. — Судя по пятнам засохшей крови, именно его нашли в кулаке убитого. Подобный инструмент, Ватсон, вам наверняка знаком?

— Мы, хирурги, именуем его катарактальным.

— Я так и думал. Острейшее лезвие, предназначенное для тончайшей работы. Вам не кажется странным, что человек, отправляясь в небезопас-

ный поход, берет с собой именно такой нож — тем более что его нельзя сунуть в карман сложенным?

— На кончик был насажен пробковый диск, который мы нашли возле трупа, — пояснил инспектор. — Вдова говорит, что нож несколько дней лежал на туалетном столике и Стрейкер прихватил его, направляясь к выходу. Оружие, конечно, левое, но, видимо, ничего лучшего ему тогда под руку не подвернулось.

— Очень возможно. А что это за бумаги?

— Три оплаченных счета за доставку сена. Письмо от полковника Росса с распоряжениями. А вот это — счет от модистки, мадам Лезюрье с Бонд-стрит, выписанный на имя Уильяма Дербишира; указанная сумма — тридцать семь фунтов пятнадцать шиллингов. По словам миссис Стрейкер, этот Дербишир был другом ее покойного мужа и время от времени письма на его имя адресовались сюда.

— Вкусы мадам Дербишир обходятся ей довольно дорого, — заметил Холмс, просматривая счет. — Двадцать две гинеи за одно платье — сумма изрядная. Однако делать нам тут, пожалуй, больше нечего; давайте отправимся на место преступления.

Едва мы вышли из гостиной, навстречу нам шагнула женщина, поджидавшая нас в коридоре, и коснулась рукава инспектора. На ее худом измученном лице лежал отпечаток недавно пережитого ужаса.

— Вы их нашли? Поймали? — выдохнула она.

— Нет, миссис Стрейкер. Но вот к нам на помощь прибыл из Лондона мистер Холмс, и мы сделаем все, что только возможно.

— Миссис Стрейкер, по-моему, не так давно мы с вами виделись на приеме в Плимуте, не правда ли? — спросил Холмс.

— Нет, сэр, вы ошибаетесь.

— Неужели? Я готов биться об заклад, что это были вы. На вас было шелковое платье сизо-голубого цвета, отделанное страусиными перьями.

— У меня никогда не было такого платья, сэр!

— Ну что ж, на нет и суда нет, примите мои извинения! — С этими словами Холмс последовал за инспектором во двор.

Долго через пустошь идти не пришлось; вскоре мы оказались у ложбинки, где нашли тело убитого. У края ложбинки рос куст дрока, на котором висел плащ Стрейкера.

— Та ночь, кажется, выдалась безветренной, — произнес Холмс.

— Верно. Однако дождь лил как из ведра.

— В таком случае плащ не был занесен на куст ветром: его туда повесила чья-то рука.

— Да, плащ был наброшен сверху.

— Вы меня заинтриговали. Земля вокруг, как я вижу, сильно истоптана. Похоже, с понедельника тут побывала целая толпа.

— Сбоку мы положили половик — и, не сходя, стояли только на нем.

— Превосходно!

— А вот в этой сумке ботинок Стрейкера, ботинок Фицроя Симпсона и образец подковы Звездного.

— Дорогой инспектор, вы превзошли самого себя!

Холмс взял сумку и, спустившись в ложбинку, поместил циновку посередине. Затем улегся на нее и, подперев подбородок, принялся тщательно изучать истоптанную почву.

— Ага! — вдруг воскликнул он. — А вот это что такое?

В руках у него была восковая спичка, настолько покрытая грязью, что походила скорее на щепку.

— Не понимаю, как это я ее проглядел, — с досадой сказал инспектор.

— Где ж ее было заметить? Ее втоптали в почву. А я ее увидел только потому, что искал.

— Что? Вы ожидали найти здесь спичку?

— Такой вероятности я не исключал.

Холмс извлек из сумки ботинки и начал сличать подошвы со следами на земле. Потом выбрался из ложбинки и стал ползать между кустами и папоротниками.

— Боюсь, других следов не обнаружится, — вмешался инспектор. — Я самым придирчивым образом обследовал всю территорию в радиусе ста ярдов.

— Вот оно что! — Холмс выпрямился. — Раз так, не хочется проявлять невежливость по отношению к вам и проделывать это заново. Но я, пожалуй, немного пройду по пустоши, пока не стемнело, чтобы лучше освоиться. Завтра это может пригодиться. А подкову на счастье заберу с собой.

Полковник Росс, с явным нетерпением следивший за неспешными и планомерными действиями моего друга, бросил взгляд на часы.

— Прошу вас, инспектор, составить мне компанию, — обратился он к Грегори. — Мне нужно кое

о чем с вами посоветоваться — прежде всего, как поступить со списком участников забега. По-моему, вычеркнуть Звездного — наш долг перед публикой.

— Ни в коем случае! — твердо заявил Холмс. — Звездный должен остаться в списке.

Полковник поклонился:

— Счастлив узнать ваше мнение, сэр. Окончив прогулку, вы найдете нас в доме несчастного Стрейкера, а потом мы вместе поедem в Тэвисток.

Инспектор с полковником направились к дому, а мы с Холмсом побрели по пустоши. За кейптонской конюшней садилось солнце, и обширную покатую равнину перед нами затопил золотистый закатный свет, отливающий красноватыми оттенками на увядших папоротниках и зарослях ежевики. Однако мой спутник, погруженный в глубокое раздумье, словно и не замечал окружающей красоты.

— Вот что, Ватсон, — произнес он наконец. — Отложим пока вопрос, кто расправился с Джоном Стрейкером, и займемся тем, что случилось с лошадью. Если предположить, что Звездный вырвался и ускакал во время схватки, то куда он мог деваться? Одиночества лошади не выносят. Оставшись без надзора, Звездный по воле инстинкта возвратился бы в Кингз-Пайленд или же завернул в Кейптон. С какой стати ему слоняться по пустоши? Уже давным-давно он попался бы кому-нибудь на глаза. И зачем цыганам вздумалось бы его похищать? Чуть запахнет жареным, они стараются держаться подальше, лишь бы не связываться с полицией. Продать такого жеребца — нечего и надеяться. Кража

связана с большим риском, а профита никакого. Двух мнений на этот счет быть не может.

— Где же тогда Звездный?

— Я уже сказал, что он либо вернулся в Кингз-Пайленд, либо прибил к Кейплтону. Раз Звездный не в Кингз-Пайленде, то вывод один: он сейчас в Кейплтоне. Примем это за рабочую гипотезу и посмотрим, что из нее воспоследует. По словам инспектора, почва в этой части пустоши высохла и затвердела. Но по направлению к Кейплтону местность понижается: уже отсюда заметна обширная лощина, где в ночь на понедельник скопилось, должно быть, немало влаги. Если мы рассуждаем правильно, то Звездный наверняка поскакал туда, и нам предстоит поискать его следы.

Беседуя на ходу, мы за несколько минут добрались до лощины. По просьбе Холмса я пошел по правой стороне, а он взял влево, но не успел я сделать и полсотни шагов, как услышал его торжествующий возглас и увидел, как он машет мне рукой. Возле ног Холмса отчетливо различался конский след. Вынутая из кармана подкова точь-в-точь совпала с отпечатком.

— Вот видите, как много значит воображение! — произнес Холмс. — А его-то Грегори и недостает. Мы нарисовали воображаемую ситуацию, предприняли действия согласно ей — и получили полное подтверждение гипотезы. Идем дальше.

Мы пересекли болотистую лощину и чуть ли не четверть мили шагали по сухому жесткому дерну. Местность снова пошла под уклон, и мы опять наткнулись на следы лошадиных копыт. Затем они исчезли и появились вновь только через полмили,

вблизи Кейплтона. Первым следы заметил Холмс — и ликующе указал на них мне. Рядом с отпечатками лошадиных копыт виднелись следы человека.

— До этого лошадь брела одна! — воскликнул я.

— Совершенно верно, сначала — да. Ого, а это что такое?

Двойные следы резко поворачивали в сторону Кингз-Пайленда. Холмс присвистнул. Мы оба пошли за ними. Холмс не сводил глаз с этих следов, но я случайно бросил взгляд вбок и с удивлением увидел, что те же следы идут в обратном направлении.

— Очко в вашу пользу, Ватсон, — оценил мое открытие Холмс. — Теперь нам незачем долго шагать попусту: мы все равно вернулись бы сюда. Идемте по этим следам.

Долго идти не пришлось. Следы оборвались у асфальтовой дорожки, ведущей к кейплтонской конюшне. Навстречу нам из ворот выбежал конюх с криком:

— Чего это ради вы тут шатаетесь?

— Мне хотелось бы задать только один вопрос, — заявил Холмс, засунув большой и указательный палец в карман жилета. — Если я приду завтра в пять утра повидать вашего хозяина, мистера Сайласа Брауна, это не будет слишком рано?

— Господь с вами, сэр, уж кого-кого, а мистера Брауна всяко застанете: он ранняя пташка. А вот он и сам, задавайте ему свои вопросы. Нет-нет, сэр! Денег я при нем не возьму, иначе меня отсюда вытурят. Попозже, если угодно.

Не успел Шерлок Холмс спрятать монету в пол-кроны обратно в карман, как из ворот, широко шагая, к нам двинулся немолодой мужчина свирепого вида с охотничьим хлыстом.

— Что это такое, Доусон? — заорал он. — Сплетни разводите? А ну, марш работать! А вам какого черта тут понадобилось?

— Всего лишь поговорить с вами, дражайший сэр. Десяти минут мне достаточно, — елейным тоном протянул Холмс.

— Некогда мне болтать со всякими бездельниками! Посторонних мы не пускаем. Вон, а не то я собаку на вас спущу.

Холмс подался вперед и шепнул что-то на ухо тренеру. Тот отшатнулся и побагровел.

— Это ложь! — выпалил он. — Наглая ложь!

— Отлично. Обсудим это на публике или побеседуем у вас в гостиной?

— Ладно, пройдемте, коли желаете.

Холмс улыбнулся:

— Побудьте минутку здесь, Ватсон. Итак, мистер Браун, я к вашим услугам.

Прошло целых двадцать минут, и закатные лучи уже померкли, когда Холмс появился вновь в сопровождении тренера. Мне никогда не доводилось видеть в человеке столь разительную перемену за считаное время. Лицо Сайласа Брауна сделалось пепельно-серым, на лбу выступили крупные капли пота, а руки дрожали так, что хлыст мотался, будто ветка на ветру. Куда только девалась его недавняя хамская бесцеремонность? Он искательно заглядывал в глаза Холмсу, будто побитый пес.

— Ваши указания будут выполнены. Все будет сделано как надо, — твердил он.

— Ошибки быть не должно! — Холмс круто повернулся к Брауну, и тот съезжился под его грозным взглядом.

— Что вы, что вы! Это исключено. Доставлю куда скажете. Переменить ли?..

Холмс, подумав немного, расхохотался:

— Нет, не надо! Я вам напишу подробней. И смотрите, без всяких там штучек, а то...

— Можете на меня положиться, Богом клянусь!

— Позаботьтесь о нем так, словно это ваша собственность.

— Можете на меня положиться.

— Что ж, попробую. Завтра получите мою записку.

Холмс отвернулся, словно и не заметив протянутой к нему трясущейся руки, и мы пошагали к Кингз-Пайленду.

— Ну и молодчик этот Сайлас Браун — наглец, трус и подлиза в одном лице! Такую бесподобную смесь нечасто встретишь, — устало заметил на ходу Холмс.

— Лошадь, значит, у него?

— Он сначала из кожи лез, стараясь отвертеться, но я с такой точностью описал все его действия во вторник утром, что он вообразил, будто я таскался за ним по пятам. Вы, конечно, обратили внимание на следы его сапог — с необычными квадратными носками; эти сапоги на нем и сегодня. И конечно же, на такой поступок человек, находящийся в подчинении, вряд осмелился бы. Я напомнил Брауну, как он, по привычке поднявшись спозаранку, уви-

СОДЕРЖАНИЕ

Звездный. <i>Перевод С. Сухарева</i>	5
Желтое лицо. <i>Перевод С. Сухарева</i>	41
Биржевой маклер. <i>Перевод С. Сухарева</i>	67
«Глория Скотт». <i>Перевод С. Сухарева</i>	93
Обряд рода Масгрейвов. <i>Перевод С. Сухарева</i>	120
Райгейтские сквайры. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	147
Увечный. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	173
Домашний пациент. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	197
Грек-переводчик. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	221
Морской договор. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	247
Последнее дело Холмса. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	293